

УДК 81'42

Л. В. Валеева

ТЕКСТОВО-ДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ СВЯЗНОСТИ: ПРОБЛЕМАТИКА

Связность — многомерное и элементарное¹ понятие. Любой человек, говорящий на русском языке, объяснит значение слова “связность” и подберет хотя бы один синоним. Специалист же в области гуманитарных исследований обязательно ограничит предмет обсуждения: философия, или логика, или лингвистика, или психология и т. д., уточнит, о какой проблеме идет речь: о формировании подтекста или о психотерапевтической диагностике, о смысловом восприятии креолизованных текстов или о переводческой деятельности, и заявит о дискуссионном характере представленной дефиниции.

В условиях происходящего перехода на новые научные позиции появилась необходимость обсудить междисциплинарный и общепрагматический характер связности. Феноменальный потенциал рассматриваемой категории заключается в ее двойственной природе. Связь порождает и объясняет, организует и изменяет.

В лингвистике характеристики связности всегда соответствовали ведущей научной методологии. Так, Ф. де Соссюр, определив язык как систему, ввел два типа связи между членами системы: синтагматические отношения и ассоциативные отношения. Первые основываются на линейном характере речи, исключая возможность произнесения двух элементов сразу. “Это синтаксис, даже когда речь идет о суффиксах; это другой вид синтаксиса, но это тоже он самый. Весь синтаксис восходит к такому элементарному принципу, что он ясен даже ребенку, то есть к линейному характеру языка” [26, с. 74]. Вторые основываются на связи слов в памяти. Соссюр указывает на два основных свойства ассоциативного ряда: неопределенность порядка и безграничность количества. Группировки синтагматического типа представляют собой цепь или дискурсивный порядок. В основе интуитивного распорядка, связанного с ассоциациями, не протяженность, а звездообразная связь, по словам Ф. де Соссюра — сокровищница (склад), семья.

Современная функционально-системная методология лингвистических дисциплин определила категорию связности в лингвистику текста. Формулируются рабочие гипотезы по анализу текста в русле различных научных подходов, но во всех исследованиях связность остается сущностной характеристикой текста в ряду других. В работах, где учитывается связность, были сделаны попытки разобраться в том, что следует считать текстом (Н. С. Валгина [6], И. Р. Гальперин [7], А. А. Залевская [9], Е. С. Кубрякова [14] и др.), проанализировать

¹ Элементарный в значении “общеизвестный”

структуру текста и его категории с позиции дискурса, синергетики, межкультурной коммуникации, гендерного подхода (Е. Е. Анисимова [2], Г. Г. Москальчук [21], Е. А. Селиванова [25] и др.), разработать типологию текстов и продемонстрировать способы анализа текстовых разновидностей (Л. Г. Бабенко [3], Л. Г. Кайда [10], В. А. Лукин [19] и др.). В то же время в специальном исследовании о категориях текста — в работе А. Ф. Папиной “Текст: его единицы и глобальные категории” [23] — категория связности вообще не отмечена.

Вследствие мультиперспективности **предмета** изучения — категории связности, **целью** данного исследования является системное описание проблем для формирования области знания о связности с опорой на достижения лингвистики и ряда смежных наук (когнитивной психологии, социологии, теологии и т. д.). Структуризация полифункционального явления связности приобретает особую значимость для экспериментальной работы над текстом и для осознанного понимания типа дискурса в учебной ситуации, при межэтнических контактах, в переводческой практике.

В процессе анализа проблематики необходимо решить следующие **задачи**: обозначить проблему связности в системе координат текст-дискурс; исследовать проблему типологии тексто-дискурсивных категорий и места связности в существующих классификациях; поставить вопрос ограниченности/бесконечности средств выражения связности.

Научный багаж современной филологии насчитывает сотни определений текста и почти такое же количество дефиниций дискурса. Текст рассматривается как билатеральный знак, имеющий план выражения и план содержания; как форма состояния языка; как речевое законченное произведение; как результат последовательности речевых актов; как высшая единица синтаксиса и основной объект грамматики [16, с. 706-708]. Ключевым понятием в большинстве лингвистических определений является информация (знание, смысл, содержание и под.). В. В. Одинцов считает основными, опорными элементами, без которых нет текста, “понятия, передающие смысл, предметные отношения, содержание сообщения” [22, с. 53]. В. В. Красных полагает, что наиболее важным аспектом текста является соотносительность языковых элементов с обозначаемыми или внеязыковыми объектами, реально существующими или мыслимыми [12, с. 118]. Н. С. Валгина говорит, что текст — это прежде всего информационное единство, а затем — продукт речемыслительной деятельности, материал для интерпретации [6, с. 9]. Интерес к информации как знанию, репрезентируемому и передаваемому языковыми формами в коммуникации, становится популярным в связи с развитием когнитивной лингвистики [13, с. 36].

В настоящее время активно осуществляется разработка теории по изучению структурно-смыслового поля текст-дискурс, рассматривается вопрос о соотношении двух семиотических, лингвистических, культурологических и т. п. феноменов. По одной точке зрения отдельные дискурсы объединяются в текст [1], текст вербализует “дискурсивные” и “недискурсивные” знания [24], по другой точке зрения дискурс является дублетом текста [23], но с расширенными “полномочиями” [4, 6, 25], по третьей, опирающейся на традиционную таксономию

(предикативная единица > речевой акт, предложение > высказывание), — текст выявляется в дискурсе, поэтому вместе с высказыванием является составляющей дискурса [20].

Функционализм придерживается известных положений, или “аксиом”, в числе которых обусловленность структуры языка когнитивной и коммуникативной функцией. Система координат текст-дискурс содержит лингвистические и экстралингвистические компоненты, которые проявляются в коммуникации и в ней функционируют. Так как коммуникация без дискурса невозможна, мы будем ориентироваться на понимание дискурса в лингвистике как совокупности текстов с учетом экстралингвистических параметров. Встречающиеся популярные дефиниции, например, “русский дискурс — это вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата, обладающая как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами и осуществляемая на русском языке представителями русского национально-лингво-культурного сообщества [12, с. 114], опираются на процессуальность как главный признак речевого общения. В этом случае дискурс как процесс и текст как результат находятся в отношении преемственности, но эти составляющие не могут создать микросоюз, организованный на основе общих коммуникативно-прагматических критериев.

Таким образом, анализ проблемы связности можно осуществить, выделив из суперсистемы текст-дискурс основной вектор — связность-информативность. Описание цепочно-радиальной линейной и нелинейной структур носителей информации — по степени сложности, выраженности (эксплицитности/имплицитности) и т. п. — позволит охарактеризовать критерий связности и по отношению к тексту, и к дискурсу.

Следующую группу проблем представляет селекция типов связности. В этой группе наблюдается терминологическая путаница. Логика различает вербальные определения (в этом случае дается значение слова или происходит замена сложного описания простым) и реальные определения, “отражающие существенные признаки предмета, явления”, по этим признакам определяемый предмет отличают от других предметов [15, с. 165]. Второй тип определения является дефиницией термина. В современной лингвистике по проблеме связности закрепились термины “когезия” и “когерентность” (“когеренция”). Оба слова происходят от основы латинского глагола *cohaere* (быть связанным, соединенным, примыкать). Кровное родство понятий порождает явление терминологической избыточности, необоснованного дублирования.

Чаще используется слово “когезия” в значении “внутритекстовые связи” [7], структурные связи [1]. В этом значении понятие оказывается синонимом связности текста. Когезию уравнивают в правах со связностью. А. Е. Бочкарев утверждает, что связность регулируется языком, а когезия как языковой компетенцией, так и прагматическими факторами [5]. В качестве лингвистического имени связности рассматривается и когерентность (когеренция) [9, 20].

Популярно определение когезии и когерентности с помощью антагонистических и иерархических отношений. Каждый из этих видов работает со своим наборо-

ром средств и приемов выражения связности. С помощью когезии текстовые единицы соединяются “в последовательность посредством эксплицитных показателей связи” [17, с. 281]. Когерентность — семантический вид связи, а именно при отсутствии какого-либо контекстуального указания то, “что говорится в какой-либо текстовой единице, принимается по умолчанию как релевантное по отношению к тому, что было сказано в непосредственно предшествующих единицах текста” [17, с. 281]. В некоторых работах когерентность считают более емким понятием, потому что она охватывает не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические аспекты текста и дискурса [20]. В последнее время когезия представляет формально-логическую связность, а когерентность — семантический тип связности.

Наряду с проблемой типологии способов выражения связности существуют проблема принципа составления классификаций текстовых и дискурсивных категорий и вопросы их количества, соотношения дифференциальных признаков текста/дискурса и дискурсивно-, текстообразующих категорий.

В списке признаков текстуальности и дискурсивности самыми известными являются *cohesion*, *coherence*, *intentionality*, *acceptability* (чаще воспринимается как интерпретация), *informativity*, *situationality*, *intertextuality*. Вследствие представления дискурса (текста) коммуникативной деятельностью считают категориями различные характеристики отношений между адресантом и адресатом: у Ф. С. Бацевич — по каналу коммуникации, по проявлению межличностных отношений между коммуникантами и т. п., у М. Л. Макарова — мена коммуникативных ролей, у Е. А. Селивановой — категории антропоцентричности, интерактивности; у В. В. Красных — коммуникативное и эстетическое единства, “при эстетическом воздействии цель коммуникации — воздействовать на адресата-реципиента и вызвать его ментально-эмоциональную реакцию” [12, с. 134], у А. Ф. Папиной — участники коммуникативного акта, участники событий, ситуаций. В классификацию категорий включают самые различные характеристики, например жанрово-стилистические. В. И. Карасик с этой группой категорий связывает соответствие текстов функциональным разновидностям речи: стилевую принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации / компрессии [11].

Анализ классификаций показал, что существующий диапазон критериев и признаков отражает желание лингвистов учесть все онтологические, функциональные свойства текстов и дискурсов — явлений сверхвысокой степени сложности. Отмечающаяся в современной лингвистике тенденция к увеличению списка критериев свидетельствует о стремлении упорядочить в сложных системах нелинейное взаимодействие элементов “через самоорганизацию при наличии многих степеней свободы при выборе оснований для связи между элементами” [9, с. 356]. По нашему мнению, систематизация возможна после нахождения точки отсчета в системе координат — фактора информативность / связность.

В этом случае возникает вопрос о средствах выражения связности. Проанализируем с этой позиции некоторые виды текстов и дискурсов (коммуникаций)

по классификации Ю. М. Лотмана [18]. В простом тексте, рассчитанном на понимание, вся ценность которого передать информацию адресату без искажений, средства связи будут эксплицированы, недвусмысленны и системны. Гарантом адекватности понимания становится язык, а точнее правила сочетаемости ограничений [5, с. 141-144] — морфосинтаксические, лексические, семантические, просодические и т. д. Например, в русском языке полное прилагательное в определительной функции согласуется с именем существительным в роде, числе и падеже, а во французском — в роде и числе. В таких текстах важны специальные единицы — коннекторы текста: местоимения, союзы, коррелятивные слова; коннекторы дейксиса — дейктические слова (в этом случае ряд пополняется вводными словами, частицами, а также специальными сочетаниями слов без определенного грамматического статуса: *без малого, по крайней мере, еще раз, всего-навсего, как сказать* и под. [8]), логические коннекторы *во-первых, итак, следовательно* и под. В текстах константной информации средства выражения исчисляемы, могут быть описаны и систематизированы.

В тексте, в котором происходит выработка новой информации, осуществляется сдвиг значения, который однозначно непредсказуем. Мы уже не можем говорить о жесткой системе языка. Текст — сложная иерархия, и все же определенные уровни должны образовывать пересекающиеся множества. На некоторых уровнях возможно нарушение нормативности и договоренности, и тогда возникают разнообразные конвенции с разной степенью условности. Средства выражения связности также могут быть структурированы, но с учетом принятой конвенции (социальной, этнической, теологической и под.) относительно конкретного текста.

Дальнейший анализ текстов показал, что усложнение коммуникативных задач ведет к генерированию новых сообщений в пределах текста и по отношению к автору, и по отношению к аудитории, и по отношению к самому сообщению.

Если представить суперсистему текст-дискурс относительно связности в виде математической модели матрицы, то плоскостью будет языковая основа текста-дискурса, системой координат (двухмерным пространством) станут прагматический, культурологический, социальный и другие статусно-ориентированные аспекты текста-дейксиса. Трехмерное пространство включит субъективный, личностный фактор, осознаваемый под углом определенных психических процессов, которые могут протекать при взаимодействии комплекса внутренних и внешних обстоятельств. Четырехмерное пространство присоединит фактор времени.

Текст в плоскостном, языковом, измерении обладает четко выраженными границами: началом, центральной частью и заключительной частью. Он формально и информативно самодостаточен, что позволяет нам говорить о предельности средств выражения связности. Нет таких текстов, которые бы не были социально ориентированы и смоделированы согласно коммуникативной стратегии. Конвенциональность коммуникативных и ментальных моделей позволя-

ет наблюдать и систематизировать не только внутритекстовые, но и межтекстовые (в пределах дискурса on-line) связи, то есть связность в семиотическом пространстве текст-дискурс. Описание и классификация средств выражения связности в трехмерном пространстве гипотетически возможно, но неосуществимо в пределах современных научных парадигм. В четырехмерном пространстве средства выражения безграничны, хотя бы потому что языки неподвластны времени.

Анализ проблематики свидетельствует об эклектичности разработок по связности. Перспектива развития новой научной области связана с развитием когнитологии, психолингвистики, прагматики, лингвокультурологии, этнолингвистики и других наук, тесно связанных с лингвистикой текста и дискурс-анализом. Предлагаемая научная сфера является междисциплинарной, она осваивает не только новые области знаний, но и альтернативные и традиционные подходы, учитывает результаты исследований в области логики, философии, литературоведения и т. п. Перспективность развития связности осознается в связи с выделением основного вектора суперсистемы текст-дискурс — информации. Появляется насущная необходимость освоить терминологию и описать средства выражения. Этой цели могут послужить спецкурсы по теории связности, практические разработки по анализу средств выражения связности в элементарном² тексте и в дискурсе конкретного типа (политическом, деловом, рекламном, научном и др.)

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. — М.: Гнозис, 2005. — 326 с.
2. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учебн. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. — М.: Изд. центр "Академия", 2003. — 128 с.
3. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. — 464 с.
4. Бацевич Ф. С. Нариси з комунікативної лінгвістики: Монографія. — Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2003. — 281 с.
5. Бочкарев А. Е. Семантический словарь. — Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. — 200 с.
6. Валгина Н. С. Теория текста: Учебное пособие. — М.: Логос, 2003. — 280 с.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 2-е. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 144 с.
8. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. — М.: Метатекст, 1998. — 447 с.
9. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. — М.: Гнозис, 2005. — 543 с.

² Элементарный в значении "простой"

10. Кайда Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции — к декодированию: учебное пособие. — М.: Флинта, 2004. — 208 с.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. — 390 с.
12. Красных В. В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? — М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. — 375 с.
13. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1996. — 245 с.
14. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
15. Куликова И. С., Салмина Д. В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). — СПб: САГА, 2002. — 352 с.
16. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 840 с.
17. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Под общей ред. И. Б. Шатуновского. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 400 с.
18. Лотман Ю. М. Мозг — текст — культура — искусственный интеллект // Семиосфера. — СПб: Искусство — СПб, 2000. — 704 с.
19. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство “Ось-89”, 2005. — 560 с.
20. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. — 280 с.
21. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 296 с.
22. Одинцов В. В. Стилистика текста. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 264 с.
23. Панина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студентов-журналистов и филологов. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 368 с.
24. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания. — М.: Academia, 2005. — 640 с.
25. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. — К.-ЦУЛ, “Фитосоциоцентр”, 2002. — 336 с.
26. Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. Изд. 2-е, испр. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 112 с.

Статья поступила в редакцию 8 ноября 2005 г.